

The cover art for 'World of Warcraft: Magical Tales of Azeroth' features a central figure, a paladin with a glowing halo, kneeling and reading a book. He is surrounded by various Azerothian races: a tauren on the left, a gnomish character on the right, a night elf on the far right, and a dwarf on the bottom right. A large, golden dragon head is on the right, and a large, blue and gold dragon head is on the left. The background is a dark, starry sky with a full moon and a small crescent moon. The title 'WORLD OF WARCRAFT' is at the top, and 'Волшебные СКАЗКИ АЗЕРОТА' is in the center.

WORLD
WARCRAFT

Волшебные
СКАЗКИ
АЗЕРОТА

Гарт Никс, Кэтрин М. Валенте, Кристи Голден, Ками Гарсия, Мэделин Ру,
Л. Л. МакКинни, Тэмсин Мьюир, Молли Нокс Остертаг, Ю. С. Майерс,
Алисса Вонг и другие.

World of Warcraft

Гарт Никс

Волшебные сказки Азерота

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-312.9(0)
ББК 84(0)-44

Никс Г.

Волшебные сказки Азерота / Г. Никс — «Издательство АСТ»,
2021 — (World of Warcraft)

ISBN 978-5-17-138594-1

Сила фантазии ощущается в каждом уголке Азерота – от продуваемых ветрами полей Восточных королевств до шумного города Прибамбасск, где разногласия удалось преодолеть с помощью... обычных историй. Уроки, извлеченные из сказок, закалили храбрых героев и помогли им вернуться домой. А истории о героях, в свою очередь, вдохновляют их последователей. Теперь и вы можете устроиться поудобнее, снять доспехи и послушать удивительные рассказы о приключениях. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.111-312.9(0)
ББК 84(0)-44

ISBN 978-5-17-138594-1

© Никс Г., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Предисловие	7
Глаза Матери-Земли	8
О маленькой клыкаррке	17
Пристанище моих костей	27
Незванный гость	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Волшебные сказки Азерота

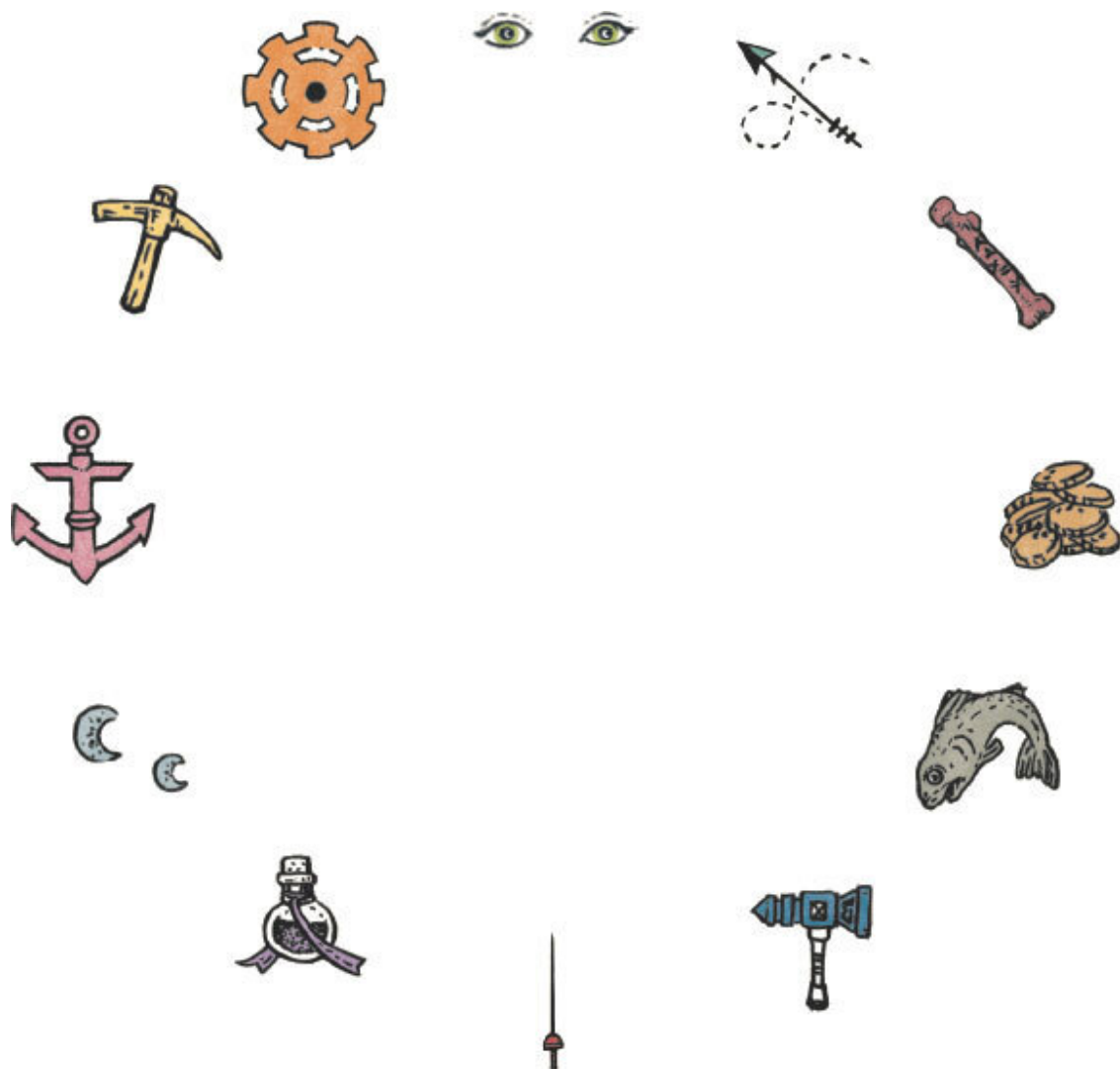
Gart Nix, Catherine M. Valente, Chrisitie Golden, Kami Garcia and others
WORLD OF WARCRAFT. FOLKS & FAIRYTALES OF AZEROTH
Печатается с разрешения компании Blizzard Entertainment International.

© 2021 by Blizzard Entertainment, Inc. All Rights Reserved. Folk & Fairytales of Azeroth, Overwatch, Diablo, StarCraft, Warcraft, World of Warcraft and Blizzard Entertainment are trademarks or registered trademarks of Blizzard Entertainment in the U.S. and/or other countries. All other trademarks are the property of their respective owners

© Т. Ратькина, перевод на русский язык

© В. Юрасова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Предисловие

Думаю, искра воображения теплится в каждом человеке. В детстве мы слушаем сказки на ночь, а потом – особенно в дождливые дни – грезим наяву; играем в героев, злодеев и даже драконов. Скорее всего, именно фантазия и любовь к игре когда-то привели нас в Азерот, бескрайний мир Warcraft. Там мы по клику мыши переносились в ледяные цитадели, подводные империи и проклятые земли. Снова выбирали свой путь, постигали ценность чести и героизма, улаживали конфликты и заводили друзей. Мы поняли, что воображение, любовь к историям и игре не исчезают с годами.

И узнали, что мир Warcraft может поведать много историй. Речь не о Пылающем Легионе, Короле-Личе или кознях Древних богов: мы были участниками масштабных событий, связанных со всеми ними. Но сколько менее важных, но не менее увлекательных историй прошло мимо нас? Страшные сказки, которые рассказывают непослушным детям. Предания о славе, укрепляющие боевой дух воинов перед сражением. Романы, которые становятся утешением для любящих сердец, истерзанных разлукой. Эти истории обрастают все новыми подробностями по мере того, как, передаваясь из уст в уста, распространяются от Калимдора до Восточных королевств – и дальше, в земли на другой стороне планеты. Эти истории помогают понять, как играет в драконов простой народ Азерота.

Чтобы уловить и зафиксировать их прихотливую сущность, команда World of Warcraft прибегла к помощи самых ярких звезд современного фэнтези. Вместе мы провели много часов, изучая предания вселенной Warcraft, описывая места и людей, которые, как нам казалось, заслуживали особого внимания. Мы ничего не отвергали – и были вознаграждены. Странные, легкомысленные сюжеты сработали лучше, чем мы ожидали (кто не хочет услышать страшилку для гоблинов?). Мифы реального мира протянули нам руки, став для авторов источником вдохновения; бесчисленные чашки кофе давали силы для мозговых штурмов, ночных бдений и потрясающих разговоров.

В историях, которые вам предстоит прочесть, осколки мира Warcraft трансформируются в живые, дышащие легенды; они тесно связаны со множеством культур Азерота, но не исчерпываются ими, проникая в самые отдаленные уголки вселенной Warcraft. Авторы следовали моим советам и учитывали мнение специалистов команды Warcraft, что не мешало им самостоятельно и свободно исследовать Азерот. В итоге кто-то создал произведения, укорененные в каноне, а кто-то ограничился небылицами, которые рассказывают заезжие гости.

Хорошая сказка всегда провозглашает простые истины или преподает моральные уроки; сказки, собранные в этой книге, не исключение. Они рассчитаны на взрослых читателей, но заинтересуют и юных фанатов Warcraft. И вообще всех любителей захватывающего фэнтези!

Писатели и художники, создавшие эти произведения, продемонстрировали разнообразие игры Warcraft, которое мы в Blizzard так любим и ценим. Мы счастливы поделиться с вами прекрасной антологией! Ведь для того, чтобы познакомиться с целой вселенной, недостаточно услышать один голос или прочесть одну сказку.

Итак, приготовьтесь: снимите доспехи и вложите меч в ножны. Если хотите, прочтите несколько историй вслух. Откройте для себя легенды и мифы Азерота. Давайте играть в драконов вместе!

Эллисон Айронс, редактор

Глаза Матери-Земли

АВТОР Л. Л. Маккинни

ИЛЛЮСТРАТОР Кори Годби

В незапамятные времена, когда Азерот не знал ни солнечного света, ни ночной тьмы, Мать-Земля бродила по бескрайним просторам вселенной. Ее не пугали ни зловещие тени, ни доносившийся из темных глубин шепот. Она слышала лживые посулы Древних, но не верила им.

Лишь одно тревожило Мать-Землю: она была беременна и понимала, что во время родовых схваток будет беззащитна перед бездной. Она искала место, свободное от гниения и порчи; только там могла она дать жизнь свету своего сердца. Но Мать-Земля не нашла такого убежища. Тогда она решила создать его сама. Так началось формирование мира.

Мать-Земля сложила ладони чашей – и появилась суша; выгнула спину – и возникли горы. Она тут же дотронулась до их вершин. Там, где ногти Матери-Земли коснулись камней, в воздух взмыли столпы пламени. Она провела пальцами по суше – и в образовавшихся бороздах потекли первые реки. Вскоре перед Матерью-Землей простирались бескрайние моря и океаны. Они рвались обрушиться на скалы и пылающее на берегу пламя. Вода, земля и огонь вступили в противоборство, и ни одна из стихий не хотела уступать.

Обозрев свои творения, Мать-Земля рассмеялась. Ее смех стал ветрами. Они пронеслись над равнинами, поднимая свежую пыль.

«Аккуратнее!» – предупредила Мать-Земля. Но ветры были слишком нетерпеливы. Тогда она наклонилась, чтобы показать, как касаться молодого мира.

«Вот так!» – Она подула на отдохавший на полях туман, который тут же закрутился спиралью и поднялся в небо. Легкий и белоснежный у земли, на высоте он стал густым и серым. Туман превратился в тучи. Вскоре небеса разверзлись и пролились дождем. Земля жадно пила бесценный дар. В благодарность она породила траву, кусты, деревья и леса, болота и непроходимые джунгли. Ветры быстро усвоили урок. Теперь они беспечно играли ветвями деревьев и весело скользили над цветущими полянами.

Мать-Земля в изумлении рассматривала свои новые творения и нежно шептала их имена. Она дала названия новорожденным рекам. Играла в догонялки с ветрами. Ложилась рядом с еще совсем юными горами, чтобы посекретничать с камнями. И как же она любила протягивать руки к небу и чувствовать, как звезды целуют пальцы! Как прекрасен ее мир, ее исполненное покоя святилище! «Вы обязательно подружитесь с моими детьми», – улыбнулась она стихиям.

Мать-Земля любила свои создания, и они отвечали ей взаимностью. Чтобы согреть ее, горы извергали свои раскаленные сердца. Когда ей было жарко, проливались дожди. Когда хотелось послушать музыку, реки журчали, а огонь мелодично трещал. Все вокруг сияло новизной. Творения Матери-Земли были до краев переполнены ее сущностью; мраку и злу не было доступа в этот мир.

«Теперь, – решила она, – я могу родить детей».

Мать-Земля преклонила колени на золотых равнинах. Почва окутала ее тело. Реки охлаждали ее чело. Скалы укрыли ее от непогоды, а огонь отгонял от нее тьму. Окруженная забо-

той, она мучилась родами. Наконец из ее утробы вырвался луч света, яркий и искрящийся. За ним последовал второй, мягкий и теплый.

«Ан'ше! – обратилась Мать-Земля к своему первенцу. – Сын мой! Ты будешь дарить жизнь, кипящую и радостную. А ты, Му'ша, – сказала она второму ребенку, – моя любимая дочь, будешь приносить исцеляющий покой».

Быстрые и усердные ветры разнесли весть о рождении детей по суше и морю. Вскоре все создания Матери-Земли собрались у колыбели младенцев, ликуя и наслаждаясь излучаемым ими светом.

Новорожденных звали Ан'ше и Му'ша. Но стихии называли их Солнце и Луна.

Время шло, и двойняшки все больше сближались с творениями своей матери. Ан'ше пользовался теплом огня как своим собственным. Му'ша танцевала с приливами и отливами. Ан'ше сдружился с горами, а Му'ша секретничала с ветрами. Солнце и Луна становились все могущественнее: они научились воздействовать на стихии, с которыми были неразрывно связаны, и присваивать их силу. Двойняшки создали себе оружие для состязаний и игр. У Ан'ше был обоюдоострый меч. У Му'ши – лук и стрелы.

Радость Матери-Земли была бесконечной. Направляя детей нежными словами и ласковыми прикосновениями, она вела их по жизни. Открывала двойняшкам секреты юной вселенной и восхищалась тем, как они играют друг с другом и с ее творениями.

Мать-Земля видела, что это прекрасно.

И все же она всегда была внимательна, даже осторожна. Ее милые дети еще так малы и уязвимы для скрывавшейся в бездне порчи! Элементы вселенной усердно отгоняли мрачные тени, но Мать-Земля тревожилась. Она беспрестанно следила за двойняшками: не спала и не отвлекалась, ни на секунду не упускала их из виду, даже если другие ее создания охраняли детей.

Сотворение мира, рождение Солнца и Луны и забота о них утомили Матерь-Землю. Она измучилась и понимала, что должна отправиться на покой. Но страх не отступал. Как защитить детей во сне? Как уберечь их от мрачной бездны?

Наконец Мать-Земля приняла решение: чтобы спасти двойняшек, она вдавит их в свои глаза. Когда она проделала это с Ан'ше, дневной свет померк. Так мир познал ночь. Тишина и покой, наполнившие вселенную, заглушили тревогу Матери-Земли.

«Солнце и Луна. День и Ночь. Теперь я всегда буду видеть вас, дети мои!» – прошептала она. Когда Мать-Земля вобрала в себя Му'шу, свет любви вновь засиял в ее глазах. Теперь ее дети в безопасности.

«Позаботьтесь об этом мире, – попросила Мать-Земля свои творения, прежде чем погрузиться в забытие. – Ограждайте его от тьмы, пока я не проснусь».

Мать-Земля спала, не переставая заботиться о Солнце и Луне, – так же, как когда-то дремала, вынашивая их. Она всегда оставляла один глаз открытым: сила Солнца и Луны была так велика, что Мать-Земля не могла держать в себе весь излучаемый ими свет. И все же ее полудрема лишила вселенную тепла, которым обладал Ан'ше. Холод прокрался в мир. Вершины гор покрылись снежными шапками, реки начали замерзать. Дожди превратились в первый снег. Без присмотра Му'ши, всегда танцевавшей с ними, ветры превратились в шторма и ураганы.

Когда Мать-Земля пробудилась, ее взору предстал новый мир. Заметив, как сильно изменились элементы вселенной, она с трудом сдержала слезы. Но вскоре все вошло в привычную колею. Мать-Земля теперь держала глаза открытыми, и связь двойняшек с миром восстановилась. С возвращением Солнца и Луны холода прекратились, а бури утихли.

Творения Матери-Земли утешали ее, доказывая, что в мире появилось много хорошего. Они показали ей растения и животных, благоденствующих среди тающего снега. Тогда Мать-Земля дала названия временам года – тем, когда она бодрствовала, и тем, когда отдыхала.

Она научила детей обращаться с элементами мироздания в разные сезоны. Показала, как окрашивать листья в яркие цвета перед тем, как они опадут; как удобрять поля, чтобы в них проросли семена. Вскоре Ан'ше и Му'ша настолько освоились, что стали менять времена года по собственному желанию.

«Хорошо! – сказала Мать-Земля повзрослевшим детям. – Вы продемонстрировали свою мощь и доказали свою силу. Вы сможете противостоять тьме. Мир ваш. Я создала его для вас. Присматривайте за ним. Берегите всех, кто считает его своим домом. Но вы не должны выходить из моих глаз. Только здесь вы будете в безопасности».

С тех пор, когда Мать-Земля уходила на покой, Ан'ше и Му'ша сквозь ее прикрытые веки взаимодействовали с миром. Они были достаточно сильны, чтобы обеспечить чередование времен года и подготовить все уголки вселенной к связанным с ним переменам. Двойняшки жили в голове Матери-Земли; их свет всегда струился из-под ее ресниц. Солнце и Луна никогда не расставались. Когда Мать-Земля просыпалась, сияние ее детей наполняло все уголки вселенной радостью.

Видеть и чувствовать, как Ан'ше и Му'ша взрослеют и набираются сил, было счастьем для матери. Ее переполняли ликование и любовь. Однажды Мать-Земля решила поделиться своей радостью с двойняшками. Отходя ко сну, она растянулась на земле, превратив золотые равнины в уютную колыбель. **Биение ее сердца глубоко проникло в почву, пропитав ее жаждой жизни.** Проснувшись, Мать-Земля обнаружила, что под ее грудью зародилась новая жизнь.

«Идите сюда! – обратилась она к детям равнин. – Посмотрите, сколько прекрасного ожидает вас в этом мире!»

Почувствовав новую жизнь, Ан'ше и Му'ша начали мерцать и изумляться.

«Их так много!» – прошептала Му'ша.

«Как мы их назовем?» – спросил Ан'ше.

Мать-Земля собрала пшеницу с золотых равнин и осыпала ею свое потомство. «Шу'хало, – пробормотала она. – Вы – воплощение моей любви. Я вдохнула в вас жизнь, чтобы познакомить со своими детьми. Ан'ше и Му'ша, мои Солнце и Луна! Вы должны научить шу'хало всему, что узнали от меня. Тогда они смогут заботиться о мире и вызывать к его стихиям. Тогда они почувствуют мою любовь в вас и во всех моих творениях».

Ан'ше и Му'ша научили шу'хало (их еще называют тауренами) всему, что знали сами. Как обращаться к элементам мироздания, принимать дары земли, строить дома и добывать пищу, петь, танцевать и бродить по полям, как пересекать реки и охотиться за лесными зверями. Шу'хало благодарили и почитали элементы, Луну и Солнце, а главное, Мать-Землю, создательницу всего сущего.

На время во вселенной воцарилась гармония.

Пока все были поглощены заботой о тауренах, Древние боги наблюдали за миром из темных глубин. И ждали. Их терпение было безграничным, как сама вселенная. Теперь Солнце и Луна стали независимыми и сильными; они могли сами позаботиться о себе. А вот таурены были еще совсем юными и беззащитными.

Когда Мать-Земля снова погрузилась в сон, а энергия Солнца и Луны, просачиваясь сквозь ее прикрытые веки, подготавливала смену времен года, Древние начали устанавливать свою власть над миром. Медленно и почти незаметно в щели земли вползли тени. Потом, осмелев и набравшись сил, они простерлись над равнинами и, наконец, отравили сердца тауренов своим ядовитым дыханием. Древние Боги хотели преподать шу'хало собственные уроки. Тихо, но неустанно шептали они о ненависти. Злости. Жадности. Разочарованиях. И о войне. Этот шепот соблазнил многих тауренов. Встав на сторону зла, они обратились против своих соплеменников, принесли разрушение и горе на земли, которые считали своим домом. Свет погас в их душах. Тьма проникла в их сознание. Они потеряли себя, превратившись в комок противоречивых мыслей и жестоких намерений.

Ан'ше и Му'ша беспомощно наблюдали за тем, как хаос поглощает шу'хало. Они не знали, что делать, ведь мать только упоминала о теньях, но не рассказывала детям о том, какие страдания эти злые силы могут принести.

Обезумев от горя, они закричали, чтобы разбудить Матерь-Землю. Вместо воды из облаков пролилась кровь. Пожары обратили леса в пепел. Ветры завывали, перерастая в свирепые ураганы. Земля сотрясалась от гнева, горы раскалывались, и поверхность мира покрылась шрамами. Вселенная пришла в упадок. Таулены враждовали между собой и впервые стали убивать друг друга, втянув в эту войну даже стихии.

– Что это? – воскликнула Мать-Земля. – Что случилось?

– Что-то темное... – простонал Ан'ше.

– Поднялось из глубин, – со слезами закончила Му'ша.

Мать-Земля пришла в отчаяние, но проронила лишь одну слезу. Мир, который она так старательно и долго создавала (она заставила сушу простираться равнинами и вздыматься горами, научила элементы мироздания заботиться о лесах, показала шу'хало красоту золотых полей!), был испорчен. Пришла тьма, и Мать-Земля не могла ограничить ее власть над вселенной. Зло пропитало мир, и теперь все в нем могло погибнуть.

Значит, и сама Мать-Земля перестала быть надежным убежищем для двойняшек. Она так тесно связана со своим творением, что не сможет его покинуть. Возможно, рано или поздно она тоже падет под натиском гниения и тьмы. Что тогда станет с Ан'ше и Му'шой?

Опустошенная, Мать-Земля смахнула слезу – и вырвала свои глаза. Теперь свет Солнца и Луны навсегда покинет ее.

– Простите меня, дети! У нас нет другого выхода! – крикнула она.

Двойняшки тщетно пытались утешить мать. Окаменев от горя, она распростерлась на земле. Больше она не могла видеть ни свои творения, ни своих любимых детей. Она не двигалась и почти не дышала.

– Мы должны остановить это! – сказал Ан'ше сестре.

Му'ша согласилась. Вместе они отправились в путь. Двойняшки бродили по земле, ища то, что совратило тауленов и повергло в отчаяние их мать.

Ветры разнесли слух о горе Матери-Земли и странствиях Солнца и Луны по всей вселенной. Узнали об этом и таулены. Вскоре двойняшки встретились с ними.

– Будь осторожен! – предупредила Му'ша брата. – Мы не знаем, впали ли эти шу'хало в безумие.

Когда таулены подошли ближе, Солнце и Луна поняли, что, хоть тьма и коснулась их, она еще не завладела их существом.

– Им можно доверять, – с облегчением сказала Му'ша, опуская лук.

Женщина, возглавлявшая процессию тауленов, обратилась к Солнцу и Луне с приветствием:

– О, сияющее Солнце и светозарная Луна! Мы узнали о страданиях Матери-Земли. Эта весть наполнила наши сердца печалью. Мы пришли, чтобы предложить вам помощь!

Ан'ше в изумлении посмотрел на сестру:

– Мать не захочет, чтобы они рисковали. После всего, что случилось... Наш долг – защищать их!

Женщина-вождь вновь обратилась к двойняшкам:

– Прошу вас, услышьте меня. **Как и вы, мы дети Матери-Земли. Мы живем на ее равнинах. Ветры доносят до нас ее стоны. Мы чувствуем ее любовь. И мы хотим защитить нашу семью!**

Когда таулены расступились, Ан'ше и Му'ша увидели повозку. Они склонились над ней, чтобы рассмотреть дар шу'хало, но тут же в недоумении отшатнулись.

На подстилке из травы лежал ребенок. Он излучал синий свет жизни; в младенце мерцала искра, родственная той, что горит в Солнце и Луне.

– Мы нашли дитя в полях, – объяснили таурены. – Мы остановились у берега реки, чтобы отдохнуть. Но прежде, чем мы успели напиться, вода отступила и мы увидели колыбель с младенцем.

В эту минуту ребенок открыл глаза и заплакал.

Его крик проник в сердца двойняшек и напомнил о горе, в которое погрузилась их мать. Тут они поняли, кем был этот младенец: единственная слеза, пролитая Матерью-Землей, упав на золотую равнину, породила новую жизнь.

Му'ша взяла ребенка на руки, и он затих.

– Это свет нашей матери. Наш родственник... – сказала она брату.

– Как мы его назовем? – спросил Ан'ше.

– Мать знает. Нужно отнести его к ней.

– А как же тени?

Как только прозвучало это слово, все вокруг замерло. Наступила неестественная тишина.

Ан'ше обнажил меч. Му'ша подняла лук.

Они настороженно прислушивались, готовые защищать тауренов и младенца.

Атака теней не заставила себя ждать.

Тьма напоминала ползучую тварь, бесшумно подкрадывающуюся к жертве, чтобы разорвать ее в клочья. Ан'ше был непоколебим, как скала, и сражался яростно, как пламя. Му'ша была быстрее ветра и ускользала от теней, как вода. Таурены воззвали к элементам мироздания, прося их помощи в смертельной битве.

Сияющий меч Солнца рассеивал тени. Там, где падали мерцающие стрелы Луны, стихал зловещий шепот. Солнце и Луна заставили тьму отступить, а элементы мироздания загнали ее во впадины и щели.

– Мы побеждаем! – воскликнул Ан'ше, воздев к небу меч.

Он не заметил приближения коварной тени. Она набросилась на Солнце, стремясь поразить его в самое сердце.

– Брат! – воскликнула Му'ша, выпуская стрелу.

Стрела достигла цели и разодрала тень надвое, но та успела ранить Ан'ше. Схватившись за бок, он упал; между пальцев струилась кровь.

Му'ша кинулась к брату и попыталась перевязать его рану, призвав на помощь ветры и воду. Но что бы она ни делала, кровотечение не останавливалось.

– Рана слишком глубокая. Я не могу ее залечить. Может, наша мать...

– Не оставляй меня, сестра! – взмолился Ан'ше.

– Не оставлю!

Му'ша осталась с братом, поручив ветру передать Матери-Земле мольбу о помощи.

Услышав об угрозе, нависшей над двойняшками, Мать-Земля разорвала оковы печали. Хоть ее скорбь и была велика, любовь к детям оказалась сильнее. Ослепленная, Мать-Земля не знала, куда идти. Но волны морей и рек шептали ее имя, и она шла на зов. Ветры поддерживали ее под руки, аккуратно направляя туда, где двойняшки боролись с тьмой.

– Ан'ше! Му'ша! – кричала она.

– Мама! – Луна потянула мать за собой. – Ан'ше ранен.

Мать-Земля встала на колени рядом с сыном и провела пальцами по его лицу. На ее руках остались следы крови.

– Я не могу залечить рану! – плакала Му'ша.

– Но ты поддерживаешь в нем жизнь!

Мать-Земля обняла детей, радуясь тому, что нашла их, и удивляясь, что они не одни.

– Шу'хало нашли младенца на равнине, – объяснила Му'ша. – Кажется, он родился из твоей слезы.

Мать-Земля взяла ребенка на руки, и радость вновь осветила ее:

– Не отчаивайся, Ло'Шо!

Убаюкивая дитя, она спросила у двойняшек, что стало с тьмой.

– Нам удалось ее оттеснить, – ответил Ан'ше.

– Но таурены до сих пор в опасности. Тьма может вернуться в любой момент! Что нам делать, мама? – воскликнула Му'ша. – Ан'ше ранен, а я не могу сражаться. Ведь если мой исцеляющий свет перестанет падать на брата, он погибнет.

Мать-Земля повернулась к Солнцу и Луне. Она больше не видела, но прекрасно помнила обширность и красоту своего творения, искрящееся чудо жизни и разрушительную силу теней, стремившихся погубить все сущее.

– Увы! – произнесла она наконец. Сердце Матери-Земли исполнилось тоски, ведь она приняла непростое решение. – Шу'хало, мои шу'хало, свободны, но затронуты порчей. Они будут привлекать тьму, если я не найду, где заточить ее.

– Мама, не надо! – запротестовали двойняшки, но Мать-Земля успокоила их, как когда-то элементы мироздания:

– Я должна. А вы должны вернуться на небо. И остаться там навсегда. Оттуда вы увидите всю вселенную. Оттуда сможете преследовать и рассеивать тени, которые я не сумею сдержать. Ан'ше, не отдаляйся от сестры. Она должна видеть тебя, чтобы исцелять твои раны. Му'ша, будь рядом с ним. Ты его тайная сила. Вот!

На миг Мать-Земля прижалась лицом к младенцу, а потом передала его Му'ше.

– Возьмите его с собой. Он еще совсем юн, и тьма не коснулась его. Учите его, дети мои. Учите так, как я учила вас. Пусть заботится о шу'хало и об этом мире. Пусть знает, что я люблю его. Как и всех вас.

Мать-Земля в последний раз обняла и поцеловала своих детей.

– Заботьтесь друг о друге. И будьте сильными! – прошептала она, когда двойняшки начали всхлипывать. – Помните, что я с вами. Я со всеми своими творениями. Всегда!

Солнце и Луна вернулись на небо, забрав с собой младенца.

С тяжелым сердцем и непоколебимой уверенностью в правильности принятого решения Мать-Земля призвала элементы мироздания.

Призвала ярость огня. Силу ветра. Твердость камня. Мощь воды. И вновь распростерлась над миром. Мать-Земля в последний раз обняла равнины. Широко раскинула руки, чтобы проложить дороги для шу'хало. Прислушалась к ветрам, которые доносили до нее мольбы детей. Приникнув к земле, позволила ударам своего сердца еще глубже проникнуть в ее недра.

Здесь она и останется; здесь будет стоять на страже гармонии и света, отражать атаки теней и заглушать зловещий шепот. Мать-Земля отдала всю себя своим творениям. Она больше не сможет подняться и никогда не отправится бродить по миру. Зато ее дети будут в безопасности!

Когда Му'ша поняла, какую великую жертву принесла Мать-Земля, ее сердце было разбито. Но Луна не утратила мужества. Она приказала легкому бризу донести напутствия матери до шу'хало. Потом притянула к себе приливы и ветра, чтобы они слышали каждое ее слово и исполняли ее волю. Ан'ше без усталости освещал равнины, чтобы на них не прокрались тени.

Двойняшки оберегали мир, а юный Ло'Шо наблюдал за ними, впитывая мудрость Матери-Земли. Вот какие уроки преподали младенцу старшие брат и сестра:

– В мире есть мгла. Но мы – свет; мы останавливаем нашествие теней. Не беспокойся и не бойся! В каждом творении ты найдешь Мать-Землю. Она всегда с нами. Вместе мы становимся сильнее, и ты никогда не останешься один.

Освещенная Солнцем или двумя Лунами (Ло'Шо, или Синий Карлик, со временем превратился во вторую Луну), Мать-Земля крепко прижимает к себе мир, следя за всем, что в нем происходит. Своим телом она ограждает вселенную от мглы. Своей любовью делает ее безопасной. Хотя свет и погас в ее глазах, тепло ее сердца никогда не иссякнет.

Шу'хало уже не те, что были в момент творения, но Мать-Земля никогда не покинет их. Ее любовь и мудрость будут направлять их до скончания веков.

О маленькой клыкаррке

АВТОР Гарт Никс

ИЛЛЮСТРАТОР Джастин Жерар

– И это весь твой улов? – спросил Онаака.

На крепких широких плечах юного клыкарра лежал огромный королевский лосось. Под головой рыбы виднелось отверстие от копья – удар был нанесен искусно.

Кровь тонкой струйкой стекала вдоль грудного плавника и просачивалась за воротник сального жилета, пачкая скрытый под ним белоснежный мех.

– Иди первой, – добавил он. – Чтобы взвесить мою добычу, учителю ловли придется позвать помощника.

Тарука не сказала Онааку, что его драгоценный мех в опасности. Она надеялась, что кровь пропитает всю спину и отмыть ее будет невозможно. Онаака всегда старался унижить Таруку. Может, потому, что она – самый маленький калу'ак (так называют себя клыкарры), взваливший на себя тяжкое бремя рыбной ловли, которое позволяет выжить и семье, и всему роду. Онаака и Тарука родились в один день, под одним созвездием, но были отличны во всем. Онаака стремился прославиться. Тарука мечтала, чтобы ее просто замечали.

Она выступила вперед и положила на ледяную глыбу связку пятнистого желтохвоста. Тарука поймала семь рыб, но все вместе они весили в четыре раза меньше, чем гигантский лосось Онаака. Каттик Укушенный Акулой (он не рыбачил с тех пор, как потерял глаз, руку и ногу в схватке с акулой) фыркнул и кивнул. При свете закатного солнца его клыки казались слишком желтыми. «Напрасно он не чистит их, как остальные калу'аки... – подумала Тарука. – Пожелтели настолько, что символы семьи и рода не разглядишь».

Учитель ловли поднял связку желтохвоста, чтобы оценить вес, потом снова положил ее на лед и выбрал разноцветную веревку Таруки (синий-синий-зеленый-красный-желтый) из тридцати веревок, каждая из которых принадлежала рыбаку общины. В ознаменование сегоднешнего улова Каттик завязал на веревке Таруки один узел. Всего на ней было четыре узла – меньше, чем на большинстве других.

– Всего один узел? – спросила Тарука, пытаясь скрыть разочарование.

Клыкарры делили пищу поровну, но за большой улов получали узлы, которые обменивали на предметы роскоши, новые инструменты, оружие. И даже на монеты, необходимые для торговли с другими общинами. Тарука хотела собрать пять узлов. За них старый барахольщик Варрак обещал ей рулон материи для воздушного змея, о котором мечтала младшая сестра Таруки Унка. Она была очень активным ребенком и давно пыталась починить и запустить старого змея Таруки.

– Один узел, – подтвердил Каттик. – Рыбы маленькие; у трех уже появилась жаберная гниль. Они сгодятся разве что на суп.

Тарука остолбенела. Укушенный Акулой не мигая смотрел на нее уцелевшим левым глазом, темным и глубоко посаженным. На месте правого глаза зияла красноватая рана, которая только начала зарубцовываться. Широкие брови были кустистее и гуще, чем у других клыкарров. У Каттика все было непомерным: брови, усы, клыки... и чувство собственной значимости.

– Покажи мне жаберную гниль! – сказала Тарука, указывая на рыбу и надеясь, что никто не заметит, что она поднялась на цыпочки. Чешуя желтохвостов еще отливала серебром, ведь их вынули из воды всего полчаса назад: Тарука тащила рыбу в сети, привязанной к лодке. Красные жабы, чистые глаза. Ни одного тусклого волокнистого нароста – признака жаберной гнили.

– Один узел, – повторил Каттик. – Может, когда-нибудь ты получишь больше. Но не сегодня.

Тон учителя ловли не оставлял сомнений в том, что, по его мнению, больше узлов Тарука не получит никогда. Он жестом приказал ей пропустить Онаака.

Тарука кипела от злости, но ничего не могла поделать. Она забрала свой улов и направилась к другой массивной глыбе льда, где Ларати разделявала рыбу. Очищенные тушки она кидала помощницам, которые посыпали их льдом и укладывали в корзины из тюленьей кожи. Община собиралась в Камагуа – один из главных городов килу'аков, где племя всегда останавливалось во время кочевых странствий. Матерям, подросткам и детям предстояло долгое путешествие по заснеженным равнинам; нужно было запастись едой – на случай задержки, связанной с погодой, или других неприятных сюрпризов. Провизию укладывали на сани, которые тащили тюлени. Что касается рыбаков, то они добирались до Камагуа на лодках, добывая пропитание по дороге. На это уходило всего несколько дней.

– Каттик сказал, что у рыбы жаберная гниль. Так что ее нельзя есть, – проворчала Тарука.

Ларати отвлеклась от обезглавливания, потрошения и филетирования. Она с силой вонзила нож в колоду, и в воздух взлетела ледяная стружка.

– Каттик похож на древний валун, – улыбнулась Ларати. – Он не меняется. И терпеть не может все молодое и независимое. А в тебе соединились оба этих качества. Может, поработаешь со мной? Приятная компания. И никаких проблем.

– Он дал мне один узел. Всего один! – возмущалась Тарука.

– Каттик воняет хуже, чем тюлений помет весной... Когда начинает оттаивать, – сказала Ларати достаточно громко, чтобы ее услышал Укушенный Акулой.

Потом он, конечно, отомстит и унизит ее в ответ; между ними так заведено уже много лет.

– Но... никто не дал бы тебе больше. От другого учителя ловли ты бы не получила ни одного узла, – добавила Ларати другим тоном.

Тарука по-клыкаррски вздохнула: со свистом выпустила воздух через сжатые губы – и опустила плечи. Потом поправила рыболовную сеть, которая норовила соскользнуть с плеча, и добавила:

– Знаю. Надо ловить больше рыбы. Огромной рыбы!

Ларати кивнула без особого энтузиазма и снова взялась за нож из китового уса. Через секунду она отсекала голову очередной рыбы, незаточенной частью клинка сбросила ее в корзину и начала разделять тушку. Тарука устало поплелась прочь. Даже ее подруга Ларати не верит, что она может поймать больше. Все против нее! Тарука ниже и легче других клыкарров. А значит, не может управлять большими лодками. Долго грести Таруке трудно – не хватает сил. Поэтому она почти все время идет под парусом. У такого способа передвижения, конечно, есть свои достоинства. И недостатки.

В довершение всех бед, отец не научил Таруку рыбачить. Просто не успел. Он умер вскоре после того, как они впервые вышли в море. Не вернулся с рыбалки. Через неделю к берегу прибило мачту его лодки – без парусов и такелажа, с расщепленными концами. Прошли годы, и Тарука, укоротив мачту, приспособила ее для своего крошечного суденышка. От отца ей досталась еще одна вещь... И, конечно, воспоминания о том единственном дне, когда они вместе рыбачили. Отец дал ей леску и крючок, но за целое утро она так ничего и не поймала. Она хотела порыбачить с копьем или сетью, но не могла их даже поднять.

– Тарука! Настоящему рыболову нужны не крючок, сеть или копье, а терпение...

Через час она поймала огромного солнечника; пытаясь удержать его, Тарука чуть не вывалилась из лодки, и смеющийся отец втащил назад и дочь, и рыбу.

На следующий день друзья позвали Таруку запускать воздушного змея, и отец вышел в море один. Он так и не вернулся. Тарука научилась рыбачить сама, наблюдая за окружающими, прислушиваясь к разговорам, пробуя и ошибаясь. В самом начале ошибок было очень много. Другие клыкарры не рассказывали ей об опасных течениях или местах, где нерестилась рыба. Все считали, что учить молодого калу'ака рыбачить может и должен только отец. Лишь несколько клыкарров ободряли Таруку и давали советы, больше похожие на туманные намеки.

– Я поймаю огромную рыбу! – убеждала Тарука сама себя. – Обязательно поймаю!

Она повторяла эту мантру, пробираясь по подтаявшему снегу к лагерю, который расположился в укромной долине недалеко от гавани. Вдруг сзади послышались шаги. Тарука решила, что это Онаака преследует ее, чтобы в очередной раз похвастаться своим уловом, и заторопилась, опустив голову и высоко поднимая ноги. Клыкарры не умели бегать, но миниатюрность позволяла Таруке перемещаться быстрее.

– Эй! Детеныш, подожди меня!

Это был не Онаака. Тарука остановилась и обернулась, узнав скрипучий голос Харуки. Однажды старая клыкаррка чуть не утонула; с тех пор ее голос трудно было с чем-то спутать. Харука была одним из самых опытных рыболовов.

– Стой! – крикнула она, пытаясь отдышаться.

У Харуки были голубые усы и загадочные символы на клыках. Тарука никогда таких не видела; они были совсем не похожи на знаки семьи и рода, вырезанные на клыках других калу'аков. Тарука знала, что Харука удостоилась символов за великие свершения, но не решалась спросить, что именно та совершила. Ведь Харука могла смертельно ранить не только копьем, но и острым словом.

– Тебя уже предупредили насчет пролива Ликуюокк?

– Нет, – ответила Тарука.

Харука злобно заворчала, но юная клыкаррка чувствовала, что гнев старейшины направлен не на нее. Харука тяжело опустилась на колено, вынула из-за пазухи нож для разделки рыбы – тонкую пластину тщательно заточенного китового уса, – очистила от снега участок земли и стала чертить на нем карту: тонкую береговую линию от теперешней стоянки до Камагуа и большой остров на юго-западе. Потом Харука убрала нож и пальцем в перчатке провела еще одну линию: она шла от стоянки до северной части материка, огибая остров.

– Никто не сказал тебе, что надо плыть дальним путем? Вот так, огибая остров Праак. Ты знаешь, что нельзя идти через пролив Ликуюокк?

– Нет. Мне никто не сказал. Но почему?

– Там смерть. Остерегайся ее! – ответила Харука.

Она встала, отдуваясь так, что усы чуть не прилипли к глазам, потрепала Таруку по плечу и стала медленно спускаться с холма в гавань.

Тарука задумчиво провожала ее взглядом. Неужели Харука искренне хочет помочь? Или другие клыкаррры специально подослали ее, чтобы обмануть Таруку? Знали, что юная клыкаррка поверит старейшине... Чем дольше она размышляла, тем недоверчивее становилась. Скорее всего, в проливе Ликуюокк полно рыбы. Если она послушает Харуку, остальные придут в Камагуа на лодках, переполненных свежим уловом, на день раньше нее. Они просто хотят избавиться от Таруки, избежать даже намека на соперничество.

– Я еще покажу им всем! – прошептала она. – Я поймаю много рыбы! Самой большой!

Ужин с сестрой и матерью, как это часто бывало, не принес Таруке радости. Унка дулась, не получив нового воздушного змея, а Макуша не проглотила ни кусочка, пока не закончила вышивать изящный узор на нижней рубашке. Она сидела, вплотную придвинувшись к лампе с китовым жиром, и ничего не говорила. Впрочем, все было понятно без слов. За вышивку тоже можно получать узлы, но эта работа требует больше времени. Через неделю Макуша доделает нижнюю рубашку, и Унка наконец получит воздушного змея. Мать научила Таруку шить; хоть дочь и не была такой мастерицей, как Макуша, вдвоем они могли бы вышивать по рубашке за два-три дня.

Меньше уважения от общины, почитавшей прежде всего рыбаков. Но больше стабильности.

– Я поймаю много рыбы по пути в Камагуа, – ответила Тарука на невысказанный упрек матери. – Ты, Унка, получишь своего змея, а маме я подарю мазь для чистки клыков, которая ей так нравится.

Унка с головой зарылась в меховую шкуру и притворилась спящей. Макуша издала звук, который можно было расценить и как поощрение, и как признак недоверия (второе, впрочем, было более вероятным), и продолжила шить. Тарука фыркнула, открыто выражая недовольство, и вышла из палатки.

Небо стало пурпурно-красным с оранжевыми прожилками (здесь, на севере, никогда не бывает совсем темно). Тарука заметила двух разноцветных воздушных змеев; наверное, их запустили подростки, не измученные дневными заботами.

Клыкаррка направилась к саням, чтобы проверить поклажу. Все было в порядке; завтра сани без труда пристегнут к тюленю или другим саням. У общины было всего шесть ездовых тюленей, так что каждый тащил несколько саней.

Один предмет, как обычно, привлек внимание Таруки. Он занимал почетное место поверх других вещей и не мог остаться незамеченным. Это были длинные (больше самой Таруки) ножны из превосходной тюленьей кожи, украшенные пуговицами из китовых костей. В них лежало единственное наследство, доставшееся семье от отца (если, конечно, не считать выброшенной на берег мачты), – меч, который его владелец, впрочем, почти не использовал. Меч был древним и таинственным. Много лет назад, когда Тарука была младше Унки, отец сказал ей: «Если меня будет подстерегать опасность, Оача'ноа велит взять меч с собой».

– Да! – раздался голос.

Он прозвучал у самого уха Таруки, но в то же время словно доносился издалека. Усы юной клыкаррки встали дыбом, а клыки заныли. Она изумленно обернулась, пытаясь понять, откуда доносится звук.

Вокруг не было ни души – только подростки в долине запускали воздушных змеев. Лагерь затих; все ужинали и ложились спать.

– Неужели мне почудилось? – подумала Тарука. Но она была уверена, что слышала голос. К тому же он ответил на вопрос... который она, кажется, не задавала. Или задала? В тот момент, когда вспомнила рассказ отца о мече и богине мудрости Оача'ноа.

Вдруг над равниной пронесся порыв ветра; он смахнул с саней снежинки и, покружив их в воздухе, опустил на меховые сапоги Таруки. Она инстинктивно посмотрела туда, где реяли воздушные змеи. Такой сильный ветер мог легко оборвать стропы. Но змеи едва шелхнулись. Как будто там было совсем тихо...

Тарука опустила взгляд. Снежинки сложились в фигуру, напоминавшую спрута.

Знак Оача'ноа!

– Мне нужно взять с собой меч? – спросила Тарука еле слышно, чувствуя себя ребенком, выпрашивающим у взрослых сладости.

Очередной порыв ветра разметал снежинки и тут же затих. Воздух снова был неподвижен.

Тарука потянулась к саням и забрала меч.

Ранним утром она отправилась в путь. Макуша и Унка еще крепко спали; на улице не было ни души. Рассвет едва забрезжил, но дорогу в гавань можно было найти без труда.

Утро выдалось морозным, но густой мех и жилет хорошо защищали Таруку. Подходя к гавани, она даже вспотела и немного ослабила шнуровку на перчатках и сапогах. Лодку юная клыкаррка, как обычно, подготовила накануне; теперь в нее предстояло уложить меч и рыболовную сеть. Тарука не стала вынимать меч из ножен – это казалось ей преждевременным. Она закрепила его у верхней кромки левого борта, рядом с ножом, которым пользовалась постоянно.

День обещал быть удачным. С юго-востока дул легкий бриз; к вечеру он должен усилиться. Тарука оттолкнула свое суденышко от пристани и аккуратно провела его между стоявших на якоре огромных лодок. Потом подняла передний и гротовый паруса, поставила их по ветру и взяла курс на север. Устраиваясь у штурвала, она обернулась. Несколько клыкарров, в том числе Онаака, готовились к отплытию. Он что-то крикнул ей вслед, но ветер унес слова прочь.

Тарука огибала берег, ни на секунду не теряя его из виду. Скорость лодки она определяла по проносившимся мимо ее бортов льдинам. Айсберги пока не представляли угрозы. Все изменится весной, когда море на севере вскроется ото льда и гигантские глыбы поплывут на юг.

Ближе к полудню Тарука увидела на горизонте очертания юго-западного побережья острова Праак. Если следовать совету Харуки, сейчас нужно взять курс на Праак. Несколько минут Тарука сомневалась, а потом решительно легла на другой галс и направила лодку в пролив Ликуокк.

Она высматривала признаки скопления рыбы: круги на воде – словно от невидимого дождя, или серебристые блики у самой поверхности, или стаи птиц. Но море не подавало никаких сигналов. Перед Тарукой расстилалось бескрайнее полотно воды, кое-где разрываемое хребтами волн, с которыми играл ветер. Он усилился и, надув паруса, плавно нес лодку вперед. Задуй он еще сильнее, Таруке пришлось бы брать рифы или даже спускать паруса. Но пока это был прекрасный ветер. Идеальный для путешествия в Камагуа.

Через час, когда, по подсчетам Таруки, она должна была достичь середины пролива, налетел резкий порыв. Это показалось юной клыкarrрке странным: в небе ни облачка, нет характерного движения воды... Тарука спустила и свернула передний парус. У нее захватывало дух и от набранной скорости, и от беспокойства из-за внезапно разбушевавшейся стихии.

Тарука все еще не видела признаков скопления рыбы. Клыкarrрка оглядывалась, не обращая внимания на ледяные брызги. Море становилось все неистовее; легкую зыбь сменили ершистые гребни.

Вдруг Тарука заметила что-то по левому борту. Она протерла глаза тыльной стороной перчатки и снова уставилась на воду. К лодке приближалась огромная тень. Она была в шесть раз длиннее и в три раза шире утлого суденышка Таруки. Тень двигалась стремительно, оставаясь полностью под водой.

Тарука сразу поняла, что предупреждение Харуки было правдивым и искренним. Но сожалеть о своих глупых подозрениях ей было некогда. Тень уже поравнялась с лодкой. Тарука судорожно дергала за веревки, которыми крепился к борту отцовский меч. Наконец она отвязала его и вырвала клинок из ножен; пуговицы разлетелись в разные стороны. В ту же секунду лодка содрогнулась и остановилась, словно налетев на скалу. Таруку швырнуло вперед. Она с грохотом упала на слань перед мачтой.

Лодка подпрыгнула и поднялась в воздух; с бортов лилась вода. Пару мгновений судно оставалось в горизонтальном положении. Потом корма начала опускаться, а нос подниматься. Тарука уцепилась за мачту левой рукой и с трудом встала. Отшвырнув ножны, она крепко зажала меч в правой руке, готовясь к схватке. В отличие от оружия клыкarrров, клинок ее отца был не из обточенной кости, а из черного вулканического стекла.

Лодка поднималась все выше. Доски отчаянно скрипели... Вдруг судно заскользило кормой вперед. Тарука посмотрела за борт и увидела гигантское морское чудовище. Сейчас лодка съезжала по его чешуйчатой шкуре. Тарука не знала, что это за существо. Точно не кит. У китов не бывает такой мерцающей сине-черной чешуи.

Левиафан вытянул шею, и лодка покатила быстрее. Тарука высоко подняла меч, перегнулась через борт и со всей силы вонзила его в тело чудовища.

Меч с лязгом отскочил, словно ударившись о камень. У клыкarrрки задрожали руки. Значит, чешуя была броней. Такой мощной, что даже легендарный клинок отца не мог ее пробить.

Корма лодки врезалась в морскую гладь. Судно накренилось. Тарука подскочила и потеряла равновесие. Она тщетно искала ногами опору. Вдруг клыкarrрка заметила зазор между двумя чешуйками на шкуре чудовища. Она просунула туда левую руку, пытаясь удержаться. Тем временем монстр поднял хвост – длинный, заостренный и юркий, как угорь. Тарука разжала пальцы и заскользила по чешуе чудовища к его голове.

Тарука промокла под дождем. Хотя нет, это был не дождь, а шлейф брызг, вырывавшихся из дыхала чудовища. Как и дыхательное отверстие кита, оно располагалось в центре головы, но, в отличие от китового, выпирало, как карбункул, имело коническую форму и было покрыто все той же непробиваемой сине-черной чешуей. Голову монстра обрамляли плавники с торчащими по краям острыми шипами.

Глаза чудовища были больше глаз кита и смотрели вперед. Почти как у рыбы-звездочета, которую Тарука как-то поймала на глубоководный шнур. На этом сходство с глазами любой виденной клыкаркой рыбы, впрочем, заканчивалось. Глаза левиафана больше напоминали глаза чайки – огромные, желтые с красной каймой. Но даже здесь нашлось отличие. Зрачки чудовища – мрачные и жесткие прямоугольники – были напрочь лишены круглой мягкости птичьих глаз.

Тарука больше не пыталась за что-то ухватиться. Она перевернулась на живот, зажала меч локтем и ногами скорректировала направление движения, нацелившись в глаз чудовища. Левый глаз.

Зияющая пасть приблизилась, и дождь прекратился. Тарука гневно вскрикнула, когда левиафан вытянул шею и ее скольжение замедлилось. Она отчаянно толкалась ногами и цеплялась свободной рукой за чешую, понимая, что это бесполезно. Если она не наберет скорость, то никогда...

Вдруг чудовище начало погружаться под воду, наклонив голову и вытянув хвост. Таруку снова понесло вперед. Море готово было поглотить ее... Тут ей вспомнились слова отца: «Настоящему рыболову нужны не крючок, сеть или копье, а терпение».

За секунду до того, как волны сомкнулись над Тарукой и она полностью потеряла ориентацию, клыкаррка вонзила меч в глаз чудовища. Сила удара была велика. Продолжая скользить по шее левиафана, Тарука все глубже загоняла клинок в темноту зрачка. Итак, все было кончено.

Из глаза монстра брызнула струя крови. В ту же секунду гигантская волна смыла Таруку с его головы. Клыкаррка выпустила клинок, который достиг мозга чудовища и застрял в нем. **Двигаясь по инерции и не зная, что жизнь покинула его, массивное туловище уходило под воду.**

Таруку затянуло в водоворот. Но она была клыкарркой! А значит, могла выжить в ледяной воде, которая мгновенно убила бы любого другого обитателя Азерота. К тому же калу'аки редко тонули. Тарука освободилась от жилета и отчаянно барахталась, пытаясь всплыть на поверхность. Наконец она показалась на гребне волны, сплевывая соленую воду и хватая ртом воздух. Тарука сняла ботинки, восстановила дыхание и осмотрелась.

Клыкаррка понимала, что, несмотря на выносливость и силу, долго не протянет. Истощение или переохлаждение рано или поздно dokonают ее. Но она могла хотя бы отсрочить неизбежный конец. Если она увидит берег, то поплывет к нему. Если всплывут весла, за них можно будет уцепиться и немного отдохнуть. И тогда...

Лодка. Тарука моргнула и протерла глаза; с бровей стекала ледяная вода. Клыкаррка подождала, пока следующая волна поднимет ее на гребень, чтобы убедиться, что зрение ее не обмануло.

Да, это правда! Лодка не утонула, только перевернулась. Корпус наполовину погрузился в воду, но киль возвышался над морем на высоту вытянутой руки. Мачта дрейфовала неподалеку. Хоть и поломанная, лодка все еще оставалась на плаву.

Тарука добралась до нее и, дрожа, залезла на перевернутый корпус. Ей стало еще холоднее, и клыкаррка понимала, что нужно как можно скорее выбираться из ледяной воды. К счастью, солнце ярко светило, а ветер утих.

Тарука оценила ситуацию. Когда мех высохнет, она сможет согреться. Если опять не начнется шторм и волны не станут заливать судно, если оно не утонет, то ее шуба просохнет через пару часов. У нее есть нож и несколько кусочков вяленой рыбы. К мачте, которая дрейфует неподалеку, привязан свернутый парус. Ткань может пригодиться.

Однако Тарука не может управлять лодкой. Ей остается только дрейфовать и надеяться, что кто-нибудь придет на помощь. Или лодку прибьет ближе к берегу, и Тарука сможет доплыть до голых камней на горизонте. Оба варианта не внушали оптимизма.

Тарука снова заметила какое-то движение: в глубине мелькнула тень. Клыкаррка вздрогнула. Неужели она только ранила чудовище, и оно вернулось, чтобы отомстить? Она сжала нож, понимая, что спасения нет, и постаралась взять себя в руки.

Тень становилась все больше. Наконец со странным звуком, напоминающим плеск брошенного в воду валуна, чудовище всплыло на поверхность. Тарука смотрела на него, ожидая, что массивный острый хвост взлетит в воздух, удлиненные челюсти с острыми зубами широко раскроются и монстр проглотит ее вместе с остатками лодки.

Лишь через несколько секунд Тарука осознала, что видит всего лишь мертвую рыбу. Клыкаррка была опытным рыболовом и не могла ошибиться, но разуму понадобилось еще некоторое время, чтобы преодолеть приступ паники и уверенность, что на этот раз ей точно конец.

Наконец Тарука убедилась в том, что чудовище погибло. Она глубоко, но прерывисто вздохнула и рассмотрела дрейфующую тушу левиафана. Та высоко поднималась над водой; значительно выше туши мертвой рыбы. «Наверное, внутри много воздуха», – подумала Тарука. Тут ей пришла идея.

Может, есть шанс...

Тарука соскользнула с лодки и нырнула. Через пару минут она всплыла, держа в руках весло, – к счастью, его не оторвало от судна и не унесло в море. Устроившись рядом с килем, Тарука стала подгребать к туше. Добравшись до нее, клыкаррка привязала лодку к хвосту, залезла на монстра и направилась к его голове. Нагнувшись, заглянула в пасть и рассмотрела длинную, выступающую верхнюю челюсть. «Совсем как бушприт корабля», – подумала Тарука.

Она вернулась к лодке, обрезала оплывшие мачту веревки и потащила ее на спину чудовища. Эта мачта уже пережила два несчастливых плавания. Придется ей послужить еще, на новом «судне»...

Тарука воткнула мачту в пасть. Она плохо держалась, и клыкаррка укрепила конструкцию обломками древесины. Для этого ей пришлось еще немного поплавать, но, придумав план, Тарука уже не так мерзла. К тому же у дыхания чудовища мех высыхал быстрее. Она закрепила бакштаг на извилистом хвосте монстра. Рукоятка меча продолжала торчать из его глаза; у Таруки не хватило сил вырвать ее, но она быстро сообразила, что рукоятка и обрамляющие голову чудовища шипы станут прекрасным крепежом для вант.

Оснастка была далека от идеала, но, когда Тарука подняла гротовый парус, ее «судно» начало двигаться, хоть и медленно. Им можно было управлять, хоть и не без труда. Для этого Тарука перемещала перевернутую лодку вдоль хвоста чудовища и аккуратно приспускала парус.

Кроме того, Тарука достала из лодки сеть. Вокруг мертвого левиафана вились падальщики, на них охотились хищники... Таруке удалось поймать много рыбы. Она ела свой улов и пила кровь, чтобы не погибнуть от истощения и жажды во время трехдневного путешествия.

Ее возвращение было триумфальным, хотя несколько сотен ярдов до гавани Камагуа Таруку тащили на буксире: ветер стих, сделав финал путешествия крайне утомительным. Все хотели помочь, так что странное «судно», которое одновременно было уловом Таруки, тащили лодки разных семей и кланов и даже байдарки детей. С берега поднялись десятки воздушных змеев, возвещая о великом и чудесном событии.

Онаааа одним из первых предложил помощь с буксировкой. Тарука согласилась и не стала хвастаться удачным уловом. Он смотрел на нее внимательно и тихо, с каким-то новым выражением. И наконец произнес – так тихо, что только она могла услышать:

– Это хороший... Очень хороший улов.

Учителя ловли всех родов, которые собрались в Камагуа, выстроились у дамбы. За ними толпились десятки клыкарров. Всем хотелось увидеть ожившую сказку. Тарука увидела Макушу и Унку и помахала им. В ответ ей помахали все.

Клыкаррка стала на край пасти чудовища и взобралась на верхушку мачты. В толпе на берегу она высматривала Каттика. Он почему-то казался ниже ростом.

– Эй, Каттик! – крикнула Тарука Победительница Чудовищ, как ее уже успели прозвать в общине. – Что бы это ни было, вряд ли у него есть жаберная гниль. Сколько узлов ты дашь мне за улов?

Пристанище моих костей

АВТОР Алисса Вонг

ИЛЛЮСТРАТОР Линдси Буркар

В ту ночь, когда я украл Стонущую кость, я лежал в своей походной постели и ждал, пока остальной караван уснет, притворяясь, что не слышу мерного *кап, кап, кап* воды, стучавшей по парусиновой крыше фургона. Мои родители храпели в конце фургона, их усы трепетали на каждом выдохе.

Они спали, повернувшись друг к другу спинами; их большие, пушистые хвосты были гневно скручены в сторону друг от друга и плотно прижаты к их туловищам. Они снова поругались, как ругались каждую ночь на протяжении последних нескольких недель.

Я выскользнул из-под одеяла и, стараясь никого не разбудить, прокрался мимо моих младших братьев и сестер, спавших вповалку. Их было пятеро – еще совсем маленькие лисята с огромными лапами и чересчур большими остроконечными ушками. Когда я посмотрел на них, мое сердце сжалось. Я был самым старшим, без году взрослым, и проводил много времени, присматривая за ними. Даже сейчас, во тьме, они выглядели уставшими. Нам уже давно не удавалось хорошо выспаться – поспишь тут, когда рядом постоянно капает вода.

Я раздвинул холщовые полы тента и посмотрел на небо. Оно было чистым, и на нем ярко горели звезды. Песок пустыни под фургоном был сух.

Кап. Кап. Кап.

Мои уши дернулись.

Я направился к фургону старейшины Кулен, которая остановилась во главе каравана, и влажное, непрекращающееся капанье последовало за мной. Я без труда тихонько приподнял одну тяжелую полу – в ней уже было больше заплаток, чем шкуры, – и с еще большей легкостью проскользнул внутрь. Пока старейшина Кулен вяло ворочалась во сне, я неслышно подошел к резному деревянному сундуку, стоявшему у дальней стенки. Большинство пожитков нашего каравана использовалось для различных целей. Этот сундук был редким исключением, и предназначался он для одной-единственной вещи. Медленно, осторожно я приподнял крышку.

Внутри, на ложе из прозрачной ткани, лежала Стонущая кость. Единственная фамильная реликвия нашего каравана, старше самого старого из наших фургонов. Она была длиной с мое предплечье и толщиной с запястье. На ее поверхности было вырезано древнее стихотворение. Немногие могли прочесть письма, но все знали это стихотворение наизусть:

*Блуждай, броди; тропу найди
И приведи меня домой.
Среди камней, в пристанище костей
Я вечный обрету покой.*

Когда я посмотрел на Стонущую кость, у меня внутри все перевернулось. Даже тьма не могла скрыть того, что Стонущая кость переломилась надвое. Две половинки были сложены вместе, но между ними виднелась уродливая неровная щель.

Старейшина Кулен всхрипнула, и я замер. Мои лапы повисли над деревянным сундуком. Но старейшина лишь перевернулась и тихонько засопела, а я смог спокойно выдохнуть. Я наклонился и, чуть помедлив, прикоснулся к кости.

Негромкий, настойчивый стук капель стих, и внезапно меня затянуло под воду, в речной поток. Воздух вышибло из легких. Голова наполнилась ревом бегущей воды. Горло сжалось. Я боролся, пытаясь вдохнуть, и начал задыхаться, когда ничего не получилось. Я почувствовал, будто сзади мои плечи схватили две когтистые лапы, и призрачный голос прорычал мне в ухо: – *ТЕБЕ НЕ ВИДАТЬ ПОКОЯ. НИКОГДА.*

У меня получилось отдернуть лапу. В тот же миг леденящая хватка исчезла и ревущий шум стих. Вместо него я снова услышал мягкое *кап, кап, кап*, преследовавшее караван весь последний месяц. Я содрогнулся. Хватать кость лапами явно было глупой затеей. Но сегодняшняя ночь уже была полна глупых затей. Одной больше, одной меньше – какая разница?

Осторожно, стараясь больше не притрагиваться к Стонущей кости, я завернул половинки в прозрачную ткань. Сунув сверток себе за пазуху, я выскользнул из фургона. Потом тихонько вывел свою верховую гиену, Ишу, из загона, стащил ее упряжь, и вместе мы помчались по песку в пустыни Волдуна.

Караван отдалялся и становился все меньше, а капающий звук продолжал эхом раздаваться в ушах. Под рубахой Стонущая кость билась о мои ребра, словно предостерегая от чего-то.

Никто по-настоящему не верил в Стонущую кость. Она была глупой сказкой для лисят, одной из тех традиций, которым подыгрывают взрослые, чтобы дать старейшинам каравана почувствовать свою важность.

Старейшина Риву был первым, кто рассказал мне легенду о Стонущей кости. Я тогда был еще совсем маленьким.

– Первые вульперы были порождены магией пустыни, – говорил он, садясь у лагерного костра и собрав рядом всех детишек.

Сказки Риву были самыми яркими моментами нашего кочевого детства. Иногда он даже показывал нам лапами театр теней.

– Наш народ всю жизнь проводит в странствии, но, когда мы умираем, пустыня призывает наши останки туда, откуда мы произошли. Чтобы помочь духам завершить их путешествие на ту сторону завесы, мы следуем за Стонущей костью.

– А куда мы за ней следуем? – спросил Сий, мой любимый кузен.

Он был на два года старше меня и уже начал расти и становиться нескладным, в то время как я оставался мелким, как шарик дикого кактуса. Мы боролись, и смеялись, и играли настолько часто, насколько могли. Сий был умным и озорным, а я хотел стать таким же, и потому повсюду ходил за ним хвостом.

Риву добродушно улыбнулся. Он десятилетиями возглавлял караван, в целости и сохранности водя нас по пустыне Вол’дуна.

– Мы следуем всюду, Сий, куда бы ни указала Стонущая кость. Порой путешествие занимает один день. Порой оно может занять недели. **Путь труден и требует большого терпения, но, когда Стонущая кость издает плач, мы понимаем, что нашли последнее пристанище того, кто дорог нашему сердцу.** Когда-нибудь настанет ваш черед взять в лапы Стонущую кость и отправить мой дух домой.

– А что, если она не заплачет? – тихо спросил я. Риву и Сий оба посмотрели на меня. Я нечасто говорил, но на этот раз подал голос. – Тогда нам придется скитаться вечно?

– Надеюсь, что нет, Хава, – ответил Риву, которого позабавил мой вопрос. Огонь костра бросал на песок танцующие отблески, отражавшиеся в его ярких глазах. – Вечность – это слишком долго.

– Где тебя носит? – прошипел Сий.

Мой кузен ждал меня на краю каньона, сжимая поводья своей гиены. Он бросил подозрительный взгляд мне за спину, словно ожидал, что за мной гонится весь остальной караван. Под его глазами виднелись темные круги, а его золотистый мех был всклокочен. Самолюбивый Сий обычно следил за собой, но сейчас он выглядел так, будто несколько недель гонялся по дюнам за дичью и забыл взять с собой расческу.

Если честно, я знал, что и сам-то выгляжу не намного лучше. От недосыпа я стал медлительнее и глупее.

– Если ты так торопишься, то сам бы и крал Стонушую кость, – огрызнулся я, прыгивая со спины Иши.

Песок под моими лапами был прохладным. По ночам жар пустыни уступал место холодным камням и сухим ветрам. Когда скорость становилась важнее безопасности, лучшего времени для путешествия было не найти.

Сий подошел ближе.

– Ты ее достал? – негромко спросил он.

Я вытащил сверток. Сий схватил его и начал рвать ткань.

– Сий, подожди, – сказал я, пытаясь одернуть его, но он лишь стряхнул мою лапу. – Сий! Не трогай ее! Она...

Едва Сий коснулся Стонушей кости, его глаза широко распахнулись. С его губ сорвался сдавленный крик, но он прозвучал неестественно, приглушенно, словно Сий вопил под водой. Он весь обмер, его когтистые пальцы мертвенной хваткой сомкнулись на кости. Я попытался его встряхнуть, но он не шелохнулся.

Времени думать не было. Я с силой толкнул Сия плечом, и мы оба рухнули на песок. Стонушая кость пролетела мимо нас, и два ее обломка отскочили в разные стороны.

Сий жадно вдохнул воздух и перевернулся на живот. С трудом он поднялся на четвереньки и исторг изо рта на землю поток воды. Воды было много; я никогда не видел, чтобы Сий пил столько за раз, или даже за целый день. Она изливалась из него как река, полная мелких камушков и тины. Наконец Сия скрутило в последний раз, и вода иссякла. В мокрой грязи между его передними лапами трепыхалось несколько крошечных серебристых пескарей.

Сий все еще давился. Из его рта безвольно свисало что-то длинное и спутанное. Я ухватился за это что-то и потянул, вытаскивая из его горла все больше и больше склизких нитей. Это оказались речные водоросли, такие длинные, что их можно было несколько раз обернуть вокруг моего пояса. Свежие и влажные, все еще ярко-зеленые, они завершались паутиной корней. Сий с ужасом посмотрел на меня.

– Я же тебе говорил, не трогай ее, – трясущимся голосом сказал я.

Поднявшись на ноги, я собрал обломки Стонушей кости, стараясь не обращать внимания на неестественное, ужасное капанье воды, раздававшееся вокруг меня; на звук, у которого не было источника. Звук, который три недели назад пришел вслед за мной и Сием к нашему дому и после так никуда и не делся.

Кап. Кап. Кап.

– Сегодня нужно заставить это капанье остановиться, – сказал Сий. Его голос звучал хрипло. Он сплюнул на землю, и еще один камушек со стуком присоединился к остальным. – Я

не могу так дальше жить, Хава. Я так умру. Я почти не сплю, а когда у меня все-таки получается уснуть, мне снятся кошмары.

Мне они тоже снились. Целыми днями и ночами я слышал стук капель, подтачивавший мой рассудок подобно потоку воды, вымывающей углубление в скале. Я слышал его даже во сне. Когда я спал, мне снилась вода; она поднималась, заливалась мне в уши и рот, пока я не начинал задыхаться и тонуть. Мне снился старейшина Риву, его размякший в реке, прогнивший труп. Он выл мое имя и гнался за мной по пустыне. В этих снах Сий, тяжело дыша, бежал рядом со мной, пока его лапы не стирались в кровь. Каждое утро я просыпался, чувствуя себя еще более уставшим, чем вчера.

Мне не хотелось этого признавать, но Сий был прав. Я когтями разорвал мягкую, прозрачную ткань на две полоски. Первую я обернул вокруг одного из обломков Стонущей кости, прикрыв зазубренную часть и соорудив что-то похожее на рукоятку. Я протянул обломок Сию, который устался на него так, словно я давал ему живую змею.

Впрочем, это было страшнее змеи.

– Бери, – нетерпеливо сказал я.

Он с опаской обернул пальцы вокруг кости, завернутой в самую тонкую защиту во всей пустыне... и мы оба затаили дыхание.

Сий медленно покачал головой. Ничего. Ни воды, ни голосов, и никто не начал тонуть.

От облегчения мне стало чуть проще дышать. Я быстро завернул вторую часть Стонущей кости и крепко сжал ее. Зазубренный край сквозь ткань вонзился мне в ладонь.

Сий и я вместе повернулись к маячившему впереди каньону. Его огромный зев прочерчивал пустыню подобно огромной открытой скалистой ране. Где-то внутри, промеж камней, сверкая в лунном свете, вилась река, похожая на кривой хвост скорпиона, разлившаяся и все еще налитая весенними дождями.

Мы оставили гиен и начали спускаться, направившись к расщелине каньона. Когда Сий последовал за мной, Стонущая кость в моей лапе задрожала.

В одном старейшина Риву оказался прав. Когда его не стало, караван доверил Стонушую кость Сию и мне. Поскольку родни у Риву не было, а мы уже считались почти взрослыми, нам поручили нести кость во главе каравана. Мы сидели на месте погонщика фургона Риву и по очереди передавали друг другу Стонушую кость, указывая ею на пустыню и медленно водя из стороны в сторону, прислушиваясь и стараясь различить хоть малейший звук.

Поначалу мы воодушевились. Мы впервые увидели Стонушую кость вне ее футляра, и, ощутив ответственность, я почувствовал себя важным. Но куда бы ни направился наш караван, как далеко бы он ни зашел, кость отказывалась издавать плач. Все измучились и устали

ждать, в том числе Сий и я. Наши лапы болели от того, что мы столько недель держали их вытянутыми перед собой. Тело старейшины Риву лежало в его фургоне позади нас, завернутое в промасленную парусину с пустынными цветами и травами, и медленно разлагалось под палящим зноем. Запах был удушающим, и даже растения не могли его заглушить.

Когда внезапно начался ливень и по сухой, растрескавшейся земле пронесся паводок, я отчасти надеялся, что он смоет и фургон Риву. Увы, нам не повезло – наши фургоны были крепкими и умело сработанными, способными выдержать бурный натиск воды. Никогда в жизни я не испытывал к ним такой ненависти.

Когда я пожаловался Сию, он задумчиво сощурил глаза.

– Неподалеку отсюда есть каньон, – сказал он. – Русло реки в нем обычно пересыхает, но дождь наверняка его наполнил. Если бросим тело Риву в реку, течение сделает все за нас. Оно наверняка отнесет его к последнему пристанищу, и никто об этом не узнает.

Я оглянулся на прикрытые полы фургона, чувствуя, как в мою грудь закрадываются ужас и надежда.

– Кость узнает.

– Разве? – возразил Сий. – Это же *кость*. Мы даже не знаем, работает она или нет.

– Я, видимо, все еще не выглядел убежденным, потому что он выпрямился, наострил вперед уши с кисточками и надменно повел из стороны в сторону пушистым хвостом.

– Слушай, Хава. Даже если река не сможет отнести его в нужное место, она все равно будет сносить его вниз по течению после каждого дождя. Стонущая кость решит, что он все еще путешествует с караваном и ищет свое последнее пристанище. Поверь мне, это блестящая идея.

Конечно же, я доверился ему. Умный Сий всегда был прав, даже когда ошибался. Я сомневался в его затее, но ужасно устал бродить по пустыне и хотел, чтобы все закончилось. Всю свою жизнь я шел за Сиём, так что в ту ночь поехал за ним в каньон, привязав к седлу тело старейшины Риву. Лишь звезды видели, как мы подтащили его к берегу реки и швырнули в поток.

Но едва тело старейшины Риву коснулось воды, Стонущая кость завопила. Это был не низкий душераздирающий плач, а жуткий, пронзительный вой, от которого моя шерсть встала дыбом. Сий и я повернулись, и на наших глазах Стонущая кость треснула и разломилась надвое. Драгоценная реликвия нашего каравана лежала на берегу реки, разломанная на две половинки, которые, подобно пальцам, с упреком указывали на нас.

Остаток ночи прошел как в тумане. Я помню, как мы спешно вернулись к каравану, как сказали моим родителям, что слышали зов Стонущей кости и сами отправились к последнему пристанищу старейшины Риву; что похоронили его среди скал. Сий с жаром объяснил, что мы сделали это ради наших родных, поскольку видели, как сильно они устали от длительного путешествия. Я помню, как тщательно завернул сломанную Стонущую кость и сунул ее обратно в сундук. Остальной караван облегченно вздохнул, и мы все улеглись на заслуженный отдых. Но ночная тишина и покой ускользнули от нас, когда раздался медленный, зловещный стук капающей воды. Никто не мог обнаружить его источник или прекратить его.

Лишь Сий и я знали, что наше преступление вернулось домой вместе с нами.

Но этой ночью все будет иначе. Этой ночью мы все исправим.

Мы шли по знакомой тропе в каньон, и я сверлил взглядом затылок Сия. Я настолько устал, что едва мог сосредоточиться; стиснув зубы, я не сводил глаз с кузена.

Вокруг нас высились стены каньона из красного песчаника, и мы наконец подошли к реке. Недавно в каньоне произошел паводок, и река еще была глубокой. Я приподнял кончик моего обломка Стонушей кости и указал им на воду.

– Сий, ты это чувствуешь?

Он посмотрел на меня, повернув одно ухо.

– Что?

– Кость загудела, когда мы подошли к воде.

Я шагнул еще ближе к реке, почти ступив на берег. Даже отсюда поток казался смертельно стремительным. Хватит ли его силы на то, чтобы оторвать брошенное тело от дна и смыть его вниз по течению?

– Подойди сюда и послушай.

Сий подошел ко мне, медленно водя своим обломком Стонушей кости над водой, словно магическим жезлом.

– Я ничего не слышу, – сказал он, глядя на камни на противоположной стороне реки. – Похоже, моя половинка Стонушей кости не издает никаких звуков.

Конечно же, она их не издавала. Моя тоже молчала. Я обеими лапами стиснул свою часть Стонушей кости и шагнул Сию за спину, выйдя из поля его зрения. Затем я размахнулся изо всех сил.

Стонущая кость со страшным хрустом врезалась Сию в затылок. Он ахнул и осел на землю. Я навис над кузеном, глядя ему в лицо. Мой ближайший друг. Тот, кто придумал бросить старейшину Риву в реку и таким образом проклял всех нас.

– Хава, – выдохнул Сий.

– Молчи, – трясущимся голосом сказал я.

Я поднял кость и снова с силой опустил ее. Сий был крупнее меня, но, когда я закончил, он уже не мог двигаться. Он не мог даже дать мне отпор, когда я подхватил его под лапы и потащил в реку.

Сий начал сопротивляться лишь тогда, когда я опустил его под воду. Его окровавленные когти процарапали мои запястья. Но я прижал Стонущую кость к его горлу и толкнул глубже под воду. Мои лапы горели от натуги, по морде текли слезы, но я держал. Казалось, прошла целая вечность, но вот лихорадочные пузырьки воздуха перестали всплывать на поверхность, и Сий затих.

Когда я отпустил, тело Сия должно было всплыть. Вместо этого оно начало тихо опускаться в воду, и пустые глаза Сия смотрели на меня, пока он не исчез в глубине. Я стоял по пояс в воде и тяжело дышал, стараясь сдержать слезы и рвотные позывы. В каждой лапе я держал по обломку безмолвной Стонушей кости. Впервые за долгое время я не слышал стука капель, и накотившее на меня облегчение было намного сильнее ужаса и чувства вины, царивших в моем сердце.

– Вот и все! – закричал я. – Ты довольна? *Ты довольна?* Это была его затея! Забери его и оставь нас в покое!

На миг повисла тишина.

А затем Стонущая кость *рассмеялась*.

Когтистые лапы схватили меня за лодыжки, дернули, и я свалился с лап. Брыкаясь, я рухнул под воду. Что-то еще схватило меня за запястье, и передо мной появилось бледное, сморщенное лицо. Старейшина Риву, раздувшийся за три месяца под водой, оскалился, глядя на меня. Я попытался закричать, но лишь начал захлебываться водой.

Половинки Стонушей кости горели в моих лапах. *«На протяжении многих поколений твой караван отдавал своих усопших мне»*. Я услышал в своей голове голос, такой же ясный,

как небо после грозы. Голос был тот же, что я слышал, когда взял кость из сундука всего несколько часов – целую вечность – назад. *«Они исполняли свой долг – я знаю, насколько он тягостен. Взамен я даровала их душам покой. Я находила их последнее пристанище. Тысячи вульпера шли за моим плачем, но ты оставил своего старейшину и бросил его в эту реку, где его телу никогда не суждено обрести покой и где ему придется в одиночку бороться с течением».*

Еще чьи-то пальцы ухватили меня за лапу, и разбитое тело Сия вцепилось в меня. Они утаскивали меня все глубже под воду. Я пытался бороться, но они были невероятно сильны. Пока я брыкался, мои легкие горели от нехватки воздуха, и я слабел. «Я должен умереть не здесь», – отчаянно подумал я, глядя вниз, на разбитое лицо кузена. Его глаза были пусты.

«Разве нет? Я уже оплакала тебя в ту первую ночь», – прошептала Стонущая кость. Я увидел себя и Сия, как мы бросаем старейшину Риву в воду и как воет Стонущая кость. *«А теперь ты пришел за мной сюда, к своему последнему пристанищу».*

Риву и Сий вместе потащили меня вниз. Я опускался в реку все глубже и глубже, пока вода не стала ледяной и последние звезды не погасли.

Впрочем, вы ведь уже тысячу раз слышали эту историю, верно? О двух непослушных лисятах, пренебрегших своим долгом и сломавших Стонущую кость; и о проклятии, которое преследовало их до самой смерти.

Но кое о чем ваши родители вам не расскажут.

Через год после моей смерти мои кости выбросило на берег у входа в каньон. Мои родители нашли их и принесли обратно к каравану. Они забрали и кости Сия, точнее, те из них, что смогли найти – его останки истерлись о камни и развалились на части. Они принесли меня старейшине Кулен, и она вырезала на мне то страшное, знакомое стихотворение.

Теперь, когда кто-нибудь умирает, я веду караван через пески. Я чувствую зов пустыни, и я плачу, и стенаю, и кричу. Никто не слышит меня, пока мы не находим место, где мертвые могут упокоиться.

Но я слышу все.

Я слышу, как ты устал скитаться с телом твоей бабушки. Ты уже провел много недель в пути, но конца все не видно, и караван начинает терять терпение. Ты совсем не чувствуешь, как я шевелюсь в твоих лапах. А я слышу досаду в твоем голосе, когда ты вопрошаешь, долго ли это будет продолжаться. И я слышал, как ты говорил Энне о том, что можно просто спрятать твою бабушку в неглубокой могиле под скалами.

Да, это просто. Но на твоем месте я бы поостерегся. Если вздумаешь валять дурака, помни: тех, кто пренебрегает своим долгом, всегда настигают последствия.

И каравану всегда нужна Стонущая кость.

Незванный гость

«Всякое великое гоблинское изобретение появилось на свет из-за необходимости, жвачки или случайности».

Гоблинская пословица

АВТОР Ками Гарсия

ИЛЛЮСТРАТОР Марк Гиббонс

Одним темным вечером три маленьких гоблина играли на рынке, пока их родители торговались, пытаясь сбить цену на детонирующие шнуры и взрыватели. Немного подумавшись, дети начали спорить:

- У меня есть четыре железные монеты, – сказал нахальный мальчишка.
- Это ерунда! – сказал мальчишка со скверным характером. – У меня их пять.
- Самый младший гоблин помахал зажатой в кулаке горстью монет.
- У меня их больше, чем у вас обоих.

Пожилая гоблинша с неопрятными сине-зелеными косичками услышала их спор и остановилась. Она предостерегающе погрозила детям пальцем.

– Держите языки за зубами, а деньги в карманах, или вы сами знаете, кто нагрянет к вам в гости.

Уходя, пожилая гоблинша пропела детскую песенку, которую юные гоблины хорошо знали:

*При свете дня, в ночной тиши
Роняй-грош в руке держи.
Копи добро, но знай и меру,
Чтоб Гостю ты не стал обедом.*

Дети прислушались к предостережению и, попрятав монеты в карманы, заозирались по сторонам, словно смогли бы увидеть незримое создание, которого боялись даже самые страшные гоблины. Существовал лишь один способ уберечь себя и их скромные богатства. Убегая прочь, каждый из маленьких гоблинов кинул себе за спину роняй-грош. Каждый смысленный гоблин носил с собой несколько таких блестящих золотых кругляшек с оттиском лица древнего торгового принца, однако немногие знали истинную историю их происхождения.

Все началось с торгового принца, золотой жилетки и похорон.

Стоял отвратительно дождливый зимний день, и настроение Клакза Бумпороха соответствовало погоде. Обычно торговый принц картеля Хитрая Шестеренка с нетерпением ждал похорон – какой находчивый гоблин не порадуетя кончине очередного конкурента и освобождению лакомого куска рынка, который можно прибрать к рукам? Но похороны, назначенные на тот день, были исключением.

Клакз нетерпеливо ждал, пока портной у его ног поспешно прострачивал спину его жилетки из золотой парчи. Раз уж торговому принцу придется идти на похороны своего конкурента, то он собирался выглядеть на них настолько богато, насколько это было возможно.

Жена Клакза, Сликси, заметила его кислую мину.

– Перестань дуться, – сказала она, прежде чем нанести очередной слой ярко-пурпурной помады, подобранной к ее тугому шелковому бюстье.

– Я не потащу гроб этого голодранца, – заявил ее супруг. – Мне плевать, что там сказано в его завещании. Ни один уважающий себя торговый принц не потащит на себе ящик, в который сыграл его конкурент. Из-за него сорвалась моя сделка на реактивные сапоги – сделка всей жизни!

Зеленые глаза Сликси сощурились.

– Нет, потащишь или будешь спать в ванной, – отрезала она, поправляя на голове неопрятные сине-зеленые косички. – Ты не станешь позорить меня на крупнейшей вечеринке этого года.

День не задался с самого начала, и дальше все стало лишь хуже.

Сотни гоблинов стояли в очереди, чтобы отдать почести Риктеру Соплострую – покойному торговому принцу картеля Трюмных Вод. Здесь были все, от глав семей его картеля и их приспешников до сварщиков и лавочников.

Члены картеля и обычные гоблины стояли в разных очередях, и отличить одних от других было нетрудно. Очередь картеля походила на смазанную блестящую линию из сверкающего шелка и колец с огромными драгоценными камнями, украшавшими пухлые пальцы. Гоблины побогаче ослепляли других золотыми и серебряными улыбками, а их руки лежали на тростях с набалдашниками в виде голов драконов, украшенных драгоценными камнями. Некоторые принесли с собой портфели из шкуры кроколисков, в то время как слуги других толкали перед собой тележки.

Когда Клакз прибыл на место, он прошагал к началу очереди картеля. Конечно же, он не торопился, давая другим гоблинам возможность оценить его роскошные одежды. Сликси последовала его примеру и величественно, как королева, махала толпе. За ними шли два лакея, несшие огромные чемоданы из шкуры гидры.

Клакз сдержанно кивнул гоблину постарше, одетому в блестящую куртку из арктического меха.

– Потропшик. Давно не виделись.

Враль Потропшик одарил его лицемерной металлической улыбкой.

– По-моему, недостаточно давно.

– Все еще занимаешься грязной работенкой Гурубаша? – спросил Клакз.

– Конечно, если ты так называешь кучу денег, которые я заработал, продавая им чугунные клинки. Тогда да, я в этой грязи просто купаюсь.

– Что ты принес для гроба? – невинно спросил Клакз.

Потропшик махнул рукой в сторону металлической ванны на колесах, в которую был запряжен его слуга.

– Сам посмотри, неудачник.

Содержимое ванной-телеги было похоже на свалку вещей, которую оставляла Сликси после того, как освобождала шкафы от лишнего: там была неприметная меховая куртка, цепочки с жемчугом скучных кремовых и белых цветов, серебряный чайный сервиз из разномастной посуды, коробки круассанов с сахаром, булочки с начинкой из лунной ягоды, а также бочонки с медовым вином.

– И это все, что ты нашел у себя на чердаке? – поддел его Клакз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.